

Казалось бы, три свадьбы — это всего лишь три незначительных эпизода жизни. Никто не понял бы беспокойства на сердце Фань Сяня, когда от одной мысли об этой смутной возможности бросало в холод и слова не шли на ум. Он был в далёкой чужой стране, дядя У Чжу, единственный, кому нипочём любые запреты, всё равно что пропал, и поговорить об этом было не с кем.

Не существует таких дел, которые было бы нельзя обсудить с другими, но это обсуждать было нельзя.

В глазах окружающих господин Фань выглядел очень счастливым и уже начал приготовления к возвращению послов в столицу Цин. Чиновники полагали, что господин Фань торопится обратно, чтобы подготовиться к свадьбе своей сестры, а ещё чтобы первым урвать выгоду в процессе распределения интересов, последующем за этой волной свадеб. Никто не знал, что под этой спокойной и даже весёлой личиной Фань Сянь уже давно оправился от первоначальной растерянности и в соответствии с заранее заготовленными планами начал определённые систематические действия.

Слова Янь Бинъюня, безусловно, тоже помогли Фань Сяню. Он думал, что господин Янь был в некоторой степени прав — не стоит столько думать о невозможном, — но в то же время мысленно говорил себе, что если Жожо желает выйти замуж, то он как старший брат, естественно, хочет, чтобы её замужество было престижным, счастливым и благополучным. Даже если Ли Хунчэн станет помогать второму принцу в смещении законного наследника, то ради Жожо Фань Сяню придётся охранять покой в доме цзюньвана Цзина.

Конечно, если Жожо не хочет замуж, это будет другая, совершенно неведомая история.

Обдумав эти подробности, Фань Сянь восстановил самообладание — по крайней мере внешнее.

***

За эти дни он дважды бывал во дворце, в основном для того, чтобы устроить первый со времён основания государства брачный союз между двумя странами. В столь важном деле никто, включая Фань Сяня, не осмелился лениться. Что доставило Фань Сяню некоторое удовлетворение, это что под сильным давлением внутреннего дворца Шэнь Чжун и хоу Чаннин наконец немного присмирели и секретные службы двух стран выработали первоначальную концепцию касательно распределения прибыли и конкретных мер по нестандартным каналам ввоза товаров. Фань Сянь при этом, как важная фигура, совмещающая службу в Контрольной палате и руководство внутренней сокровищницей, естественно, получал наибольшую выгоду.

На самом деле радовало Фань Сяня не это само по себе, потому что, хотя его будущие планы, естественно, требовали финансовой поддержки, доходы от контрабанды были не такими большими, как рассчитывал Фань Сянь. По-настоящему воодушевило его то, что раз каналы поставок придётся менять, то вывоз грузов Синьяна неизбежно сократится, доходы уменьшатся, и влияние старшей принцессы в будущем ослабеет.

Фань Сянь также понял, что главной причиной, почему старшая принцесса не вмешивалась в происходящее, было его обещание сотрудничать с Шаншань Ху, чтобы спасти Сяо Эня, скрывающего удивительную тайну. Кажется, это означало, что старшая принцесса всё же ставила выгоду для императорского двора государства Цин превыше собственной. Подобный подход в духе Лэй Фэна* удивил Фань Сяня.

Именно в эти дни больной Янь Бинъюнь в наивысшей степени проявил свои способности к всестороннему планированию. Получив его записи, Фань Сянь невольно восхитился вслух: метод Янь Бинъюня был очень прост, но при этом наиболее безопасен и надёжен, наилучшим образом обеспечивающий безопасность силам Цин, скрывающимся на севере.

В государстве Цин множество видов разведки. Янь Бинъюнь контролировал тайных агентов, таких как владелец масляной лавки, слуги, внедрившиеся в поместья принцев и знати, и даже некоторые чиновники. Ещё один вид — открытые разведчики, например, хозяева лавок на улице Сюшуйцзе и прочие торговцы из разных южных областей. В основном они занимались торговлей, но, путешествуя по миру, естественно, тоже могли передавать полезную информацию в государство Цин. В последние несколько дней тайные и явные агенты повсюду пришли в движение: разведывательная сеть начала просыпаться от годичной спячки и внезапно продемонстрировала серьёзные возможности в отслеживании.

Всё было готово, оставалось только дожидаться действий Шаншань Ху.

Фань Сянь и Янь Бинъюнь же спокойно сидели в посольстве и пили вино. Фань Сянь взглянул на предельно безразличного Янь Бинъюня и сказал:

— Господин Янь, в конце концов, вы мой подчинённый. Не могли бы вы перестать демонстрировать мне такое отношение каждый день?

— Я подчинённый, но не подхалим, — холодно парировал Янь Бинъюнь.

Фань Сянь легко улыбнулся, зная, что тот скрывался в Северной Ци в течение четырёх лет и имел много разных обликов. Кто бы мог подумать когда-то, что талантливый учёный Юнь, младший сын морского купца, который вращался в самом благородном обществе, на самом деле был главой шпионов государства Цин? Такой человек должен хорошо уметь общаться и находить подход к людям, и если сейчас он проявлял холодность, то только потому, что перед ним был собственный начальник, а не объект, с которым нужно иметь дело.

— Северная Ци действительно ведёт себя глупо, — сказал Фань Сянь, сделав глоток чая. — Освободили тебя так рано, да ещё и позволили столько времени сидеть в безопасности в посольстве. Я бы на их месте тебя на десять дивизий не променял**. — Это было крылатое выражение из прошлой жизни некоего Фаня, и Янь Бинъюнь, услышав его, естественно, никак не отреагировал и ничуть не растрогался.

— Возможно, они думают, что то, что императорский двор согласился обменять меня на Сяо Эня, уже само по себе большая глупость. — Размышляя об этом, Янь Бинъюнь всё ещё

чувствовал себя подавленно. — Но для Северной Ци возвращение Сяо Эня не принесёт много пользы, им ещё придётся придумывать, как его убить, а это гораздо глупее.

Фань Сянь сказал со вздохом:

— Кто-то однажды сказал, что страна подобна человеку. Она никогда не будет идеально работающим механизмом, она часто будет меняться вслед за настроением правителя. В правящей семье Северной Ци и так имеются разногласия, однако сияние Ку Хэ слишком ярко, только поэтому Сяо Эня снова заключили в тюрьму. Если бы Шаншань Ху не был приёмным сыном Сяо Эня, наверняка не нашлось бы никого, кто посмел бы бросить вызов решениям императорской семьи.

— А что же ты? — спросил Янь Бинъюнь, нахмурившись. — По дороге на север у тебя точно была возможность убить Сяо Эня, но ты отпустил его. Теперь, когда он уже в столице, ты собираешься спасти его. А когда спасёшь, ты снова... Это действительно немного непонятно.

Фань Сянь улыбнулся. Он не мог никому рассказать тайну Сяо Эня. Но именно из-за этого ход дела постепенно начинал казаться нелепым.

Он немного подумал и объяснил Янь Бинъюню:

— Это похоже на игру в шахматы. Хотя в конце каждый хочет обыграть противника, перемещения наших фигур и использования пешек отличаются, и получаемые в процессе выгоды тоже разные.

Если бы Фань Сянь убил Сяо Эня на переправе У, он не то что никогда бы не узнал, сможет ли пешка, которую он тогда собирался бросить, вернуться домой живой, — он бы не узнал, где находится Священный храм. На этот раз для спасения Сяо Эня были задействованы все силы Контрольной палаты на севере. Фань Сянь просто хотел разыграть на шахматной доске часто встречающуюся ситуацию угрозы императору, надеясь всяческими обходными путями получить ту выгоду, которую Чэнь Пинпин не получил.

— Если Сяо Энь не сбежит из тюрьмы, стражу в парчовых одеждах будет нелегко перебить. В конце концов, авторитет Шаншань Ху в армии Северной Ци очень высок.

— Сяо Эня, этого старого чёрта, действительно жалко. — Он вздохнул: — В конце концов, он стареет и уже не тот, что раньше.

— Я не рекомендую тебе действовать самостоятельно. — Янь Бинъюнь равнодушно посмотрел на него: — Если Ку Хэ действительно оставит своё чванство и начнёт действовать, сумеешь ли ты выжить?

Фань Сянь молчал. Он не осмеливался доверить другим секрет Сяо Эня, поэтому ему

приходилось рисковать самому. Он медленно постукивал по чайному столику, закрыв глаза и представляя себя шахматистом, который неловко, неуклюже сдвигает шахматную доску. Конечно, по обе стороны доски находились люди, которые привыкли всё обстоятельно обдумывать и тщательно просчитывать: Ку Хэ и старшая принцесса, императрица и Шаншань Ху. По сравнению с ними Фань Сянь ничего собой не представлял.

Но у этого шалуна не было других способностей, кроме отваги перевернуть шахматную доску.

***

Когда вся рутинная работа была завершена, посольство и двор Северной Ци одновременно вздохнули с облегчением и начали без стеснения пировать, причём Фань Сянь не был исключением. В мирной столице единственным странным событием стали случившиеся на берегах реки Юйцюаньхэ несколько подозрительных убийств, причём сопровождали их совершенно ужасающие случаи поджогов. Красные отсветы огня озаряли столь любимую горожанами реку несколько дней подряд.

Фань Сянь знал, что скрывается за этими убийствами. Когда разведчики государства Цин, находившиеся в спячке целый год, начали действовать, то глава контрразведки стражи в парчовых одеждах, Шэнь Чжун, должно быть, учуял их, и стражники, укоренившийся среди жителей столицы, отреагировали жёстко, но не выходя за рамки.

Тайные сотрудники, поставленные когда-то Янь Бинъюнем, вероятно, частично понесли урон при этих убийствах. Ведь в чужой стране, прямо под носом у противника, проверить такое грандиозное дело, не всполошив его, — дело невозможное. Однако вся разведывательная сеть, обосновавшаяся на Севере, была разделена на несколько частей, поэтому можно было не беспокоиться, что стража в парчовых одеждах вскрыет слишком много ключевых точек.

Вот почему Янь Бинъюнь становился всё мрачнее. В столице у четвёртого отдела Контрольной палаты было всего семнадцать агентов, и теперь, когда они пошли на такие большие жертвы ради дел старшей принцессы и Сяо Эня, он не мог не сердиться.

Фань Сянь не утешал его и ничего не говорил — он просто продолжал пить, веселиться и развлекаться с девицами.

***

В Великой Ци шестой день шестого месяца шестого года Тяньбао соединял в себе три шестёрки, считаясь крайне благоприятным днём. Кроме того, Фань Сянь в предыдущей жизни не верил в западные учения о дьяволе, поэтому его пальцы ничуть не дрожали, когда завязывали воротник плаща: казалось, его переполняла уверенность.

Он тщательно рассортировал и уложил оружие и снадобья, которые носил с собой: часть у него в поясе, а некоторые — в натальной одежде. К его левому предплечью был пристегнут скрытый

самострел, который мог выпустить три стрелы одновременно. Дымный порошок, приготовленный по тайным рецептам третьего отдела Контрольной палаты, находился на правом запястье в метательном мешочке размером с костяшку пальца.

Фань Сянь посмотрел на тускло освещённую металлическую коробку на столе и прищурился. Там были три пилюли: красная, синяя и белая. Они выглядели диковинно и всегда напоминали людям о каких-то очень странных вещах.

Красная пилюля была немаленького размера, но лекарственный запах немного выдохся, и невозможно было по нему определить составляющие. Она пролежала уже много лет — с тех пор, когда Фэй Цзе беспокоился о его жёсткой истинной ци. Фань Сянь немного подумал и всё же спрятал пилюлю, похожую на большой лонган, в пояс.

Глядя на оставшиеся пилюли, Фань Сянь усмехнулся, но взял их все, отбросив первоначальные мысли. Он мог встретить грандмастера, поэтому чем больше вещей способны спасти ему жизнь, тем лучше.

-----
* Лэй Фэн (1940–1962) — солдат НОАК, борец за коммунизм, образец бескорыстного служения идеалам Коммунистической партии Китая и превознесения общественных интересов над личными. Если вы видели китайские плакаты со щекастым солдатом в ушанке, это он.

** «Верните мне Лу Дэмина! Я бы его и на три дивизии не променял!» — слова Мао Цзедуна, когда он узнал о гибели в бою одного из главнокомандующих Китайской рабоче-крестьянской Красной армии (1927 г.)

<http://tl.rulate.ru/book/96718/3560865>